

СОЦИАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОСТИ И ФЕНОМЕН «ЛЕВЫХ»

Розин Вадим Маркович,

доктор философских наук, профессор,

главный научный сотрудник

Института философии РАН,

Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Аннотация

В статье с методологических позиций анализируются взгляды «левых» и критика этих взглядов известным журналистом, писателем и аналитиком Юлией Латыниной. Приводятся возражения против Латыниной со стороны других журналистов и политологов Андрея Лошака и Евгении Альбац. Автор не считает аргументы спорящих основательными и предпринимает собственный анализ. Он предлагает сжатую схему генезиса культуры модерна, начиная от кризиса Античности и Средних веков. Выделяются несколько предпосылок этой культуры: необходимость получить средства для ведения войны и одновременно установить порядок на подвластной территории, процессы реформации и контрреформации, перемещение центра власти с неба на землю. И как следствие – формирование нового смыслового проекта, становление новоевропейской личности, развитие экономики и городов, изобретение и становление государства, борьба граждан за свои права и идеалы. Обсуждаются и причины кризиса самой культуры модерна: значительно сложнее стала социальная жизнь (в результате она разошлась с исходными представлениями модерна). Были созданы технологии, позволившие использовать иначе, чем было задумано, государство, общество и право. Как следствие, возникла потребность в построении нового смыслового проекта культуры. Такой проект и был сформирован «левыми». Он содержит два основных принципа: социальная справедливость для всех и социалистическая организация (распределение, перераспределение, налогообложение, пособия, пенсии и др.) как способ реализации этих требований. Кроме того, «левые» настаивают, что богатые должны делиться с остальными гражданами. Автор показывает, что «левые» мыслят в рамках созданного ими нового проекта культуры и поэтому не принимают критики в свой адрес. В заключении обсуждаются антропологические условия возможной будущей культуры. С одной стороны, именно культура и социальность обуславливают ценностные ориентации людей, с другой – поскольку человек дела-

ет вклад в социальность, от его активности отчасти зависит, возобладает ли добро над злом.

Ключевые слова: социальность, государство, личность, свобода, кризис, культура, проекта, реализация, власть, общество.

Библиографическое описание для цитирования:

Розин В.М. Социальность современности и феномен «левых» // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 4, ч. 1. – С. 145–161. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-145-161.

Начну с анализа полемики Юлии Латыниной с «левыми», под которыми она, вероятно, понимает представителей западного и отечественного истеблишмента, придерживающихся в своей риторике социалистических взглядов. В дискуссии на Радио Свобода и в статье «Гуманизм как идеология бюрократии» Ю. Латынина говорила: «Получается, что в Европе посредством всеобщего избирательного права к власти пришел социализм, но ценности, которые сейчас называют общеевропейскими и общечеловеческими: мультикультурализм, всеобщее избирательное право, социальная помощь, политическое единство Европы – не европейские, а социал-демократические. Идея же, что человек, который живет в твоём обществе, не говорит на твоём языке, презирает, ненавидит тебя и ещё считает, что ты ему должен – эта идея явно нездоровая» [10]. И в статье «Гуманизм как идеология бюрократии»: «Бюрократия, помогавшая беженцам, готова на всё: давать им дома, деньги, помогать им. Она только не готова к тому, чтобы они работали сами. Потом иммигранты чувствуют себя гражданами второго сорта. Они взрывают лондонское метро, выбегают на улицы голландских городов, праздную взрыв башен-близнецов, они вырезают у дочерей клитор ножом на кухонном столе и рассказывают, что ислам – это единственная надежда всего человечества... Современному обществу угрожает не терроризм. Ему угрожает атмосфера, созданная за счет союза инфантильного гуманизма с надгосударственной бюрократией. Это атмосфера, благодаря которой свободное общество не имеет права на насилие, а любой изгой – от бен Ладена до Уго Чавеса – этим правом спокойно пользуется» [9].

А вот типичное возражение против позиции Латыниной: «С моей точки зрения, – отвечает Андрей Лошак, – взгляды Латыниной совершенно дикие и морально устаревшие. Потому что она пишет о каких-то якобы традиционных европейских ценностях, выдавая за них нечто, по-моему, совершенно им противоположное. И вообще слепая вера неолибералов в рынок, в его справедливость, как в бога, доходящая до религиозного фанатизма, мне кажется, это абсолютно реакционная, регрессивная история, шаг назад в каменные джунгли, где принцип “выживает сильнейший”».

Мне кажется, что это вообще очень противоречит нашим культурным ценностям. Величие русской культуры и литературы XIX века именно в призыве к состраданию к “маленькому”, слабому, оступившемуся, “лишнему” человеку. А согласно Латыниной, такие люди, как Обломов или Идиот [князь Мышкин. – В. Р.] Достоевского, который является как бы мериллом человеческой совести, – это совершенно бесполезные и беспонтовые чуваки, которые не имеют права на существование» [10].

Лошак мог бы еще сослаться на высказывания шведских политиков. Вот что однажды сказал министр по делам демократии Йенс Орбак: «Мы должны быть открыты и терпимы по отношению к исламу и мусульманам в надежде на то, что они ответят нам взаимностью, когда мы станем меньшинством» [12]. Не менее показательны высказывания лидера шведской социал-демократической партии Мона Салина: «Если на рабочее место подадут заявку два равно квалифицированных претендента, предпочтение следует отдать тому из них, кто носит имя Мухаммед. Принадлежность к иной этнической группе, чем шведская, необходимо считать преимуществом» [12]. «Необходимо всеми силами убеждать шведов, что иммигранты – благо для их страны. Нравится вам это или нет, но такова новая Швеция» [12].

Ответ Лошака, по сути, журналистский, т. е. апеллирующий к гуманитарным ценностям, но Андрея поддерживает тоже журналист и политолог Евгения Альбац, анализирующая ситуацию в США. «Вот для Обамы, – размышляет Альбац, – вот эти ценности: ценности свободы, ценности либеральной демократии, когда интересы меньшинства обязательно защищаются большинством, – они были абсолютны. Мне кажется очень важной попытка Обамы сделать то, что называется *Obama Care*, а именно: обеспечить страховками те 30 миллионов людей в США, которые не имели практически допуска к медицине... И вот этот человек, как мы видим, сейчас не просто сходит со сцены, а в результате его правления к власти приходит популист, человек прямо противоположных взглядов. Вот это такая тяжелая, во всяком случае для меня, история, которую я ощущаю, если хотите, как какую-то надвигающуюся катастрофу» [1].

Для Андрея Лошака и Евгении Альбац движение европейских стран и США к социализму – прогрессивный социальный тренд, а для Ю. Латыниной – наоборот, угрожающий свободе, ведущий к гибели западного мира. Хотя еще в 40-х годах прошлого столетия в знаменитой книге «Капитализм, социализм и демократия» Йозеф Шумпетер предсказывал победу социализма над капитализмом. «Тезис, который я постараюсь доказать, – писал он, – заключается в том, что капиталистическая система не погибает от экономического краха, но зато сам ее успех подрывает защищающие ее общественные институты и “неизбежно” создаст условия, в которых она

не сможет выжить и уступит место социализму» [13, с. 59]. Правда, пока капитализм не уступил социализму; и неизвестно, уступит ли в будущем.

Но, может быть, точнее говорить не о победе социализма, а о дивергентном «социализме-капитализме», как это, например, делает Григорий Водолазов: «Один из возможных вариантов: встреча на теоретической “Эльбе” конвергентного либерализма и конвергентного социализма. Произойдет, скорее всего, не слияние их в одну идеологию, а дружеское соревнование (чередование во власти) – демократического конвергентного либерализма и демократического конвергентного социализма. Сложится биполярная идеологическая и социально-политическая система. И будет социальный корабль покачиваться между двух неантагонистических курсов. И такой, зигзагообразный, путь будет эффективней прямолинейно-одностороннего. И это будет важной составляющей пути к той идеологии (и основанной на ней социальной системе), которую я назвал “Реальным Гуманизмом”» [5, с. 20].

Думаю, позиции сторон в полемике ясны, чего не скажешь об аргументах; на мой взгляд, они не очень убедительны. Например, если капитализм включил в себя программы помощи типа *Obama Care*, предполагающие перераспределение национального продукта от работающих и успешных к неработающим (частично или полностью) и мало успешным, а также регулирование рыночных отношений, то спрашивается: может ли подобный конвергентный социальный строй *победить* социализм; разве он сам не стал вариантом социализма? Или наш гибридный строй, напоминающий одновременно ранний капитализм и развитый социализм, – кого он вообще может победить?

Не буду продолжать вопросы. Лучше расскажу о своем понимании ситуации и альтернатив, позиционируя свой подход как методологический и культурологический. При этом речь пойдет об идеально-типическом построении, авторской реконструкции, о ведущей тенденции, а не конкретных вариантах развития событий.

Обратим внимание на то, что Ю. Латынина критикует левых исходя из здравого смысла. Для нее очевидно, что левые преследуют свои корыстные интересы (влияние, власть), лицемерны, не в состоянии продумать последствия своих решений. Конечно, среди левых есть и такие. Но в целом я сомневаюсь в том, что Ю. Латынина правильно поняла мотивы и подлинную суть их поведения и поступков. Чтобы пояснить, почему я так думаю, сделаю экскурс в историю.

Представим, исходя из современного здравого смысла, средневекового человека. Мол, он либо принимает мифы за реальность (недаром античные философы называли первых христиан сумасшедшими), либо лицемерен, поскольку говорит, что есть Бог в трех лицах (это что же за монстр?),

который из ничего (ха-ха!) создал мир и человека, да еще может его воскресить (опять же из ничего). Не иначе христиане преследовали корыстные интересы, пытаясь одурачить публику.

Однако можно вспомнить, что на излете Античности человек всё еще верил в богов и одновременно разуверился в них; очень боялся смерти, потерял смысловую опору в жизни и искал ее. Да, христианский Бог был непонятен. Но Он обещал вечную жизнь, справедливость, наказание по заслугам, в конечном счете блаженство в Боге в том случае, если «ветхий» человек станет «новым» – христианином. Поэтому и поверили, и стали создавать новый мир. Замечу, что в этом мире были и рациональные объяснения непонятных сторон Бога и его деяний; не случайно Светлана Неретина назвала свою интересную и содержательную книгу о средневековой философии «Верующий разум». Ретроспективно можно говорить, что усилиями верующих и церкви был сформулирован «смысловый культурный проект» Средних веков: *Бог создал мир и человека, мир прейдет, будет второе пришествие Христа и Страшный суд, цель христианской жизни – стать новым человеком и прийти к Богу.*

Примерно к XIV–XV вв. этот проект был реализован. В основном европейские люди стали христианами и жили в соответствии с принципами Священного Писания, а второе пришествие Христа было отодвинуто Церковью в неопределенное будущее. Люди все больше жили земными заботами, отодвигая небо и Бога. На место Бога постепенно вставала природа, понимаемая двояко: как источник земной жизни и благ, а также сакрально, как инобытие и творение Бога. Потребовался новый культурный проект, задающий новый смысл существованию человека.

Такой проект был создан усилиями ренессансных философов и гуманистов (Николай Кузанский и др.), церковных реформаторов (Лютер и др.), философов нового времени (Бэкон, Галилей, Декарт, Гоббс, Локк, Кант). Проект имел несколько относительно независимых составляющих, наложение которых друг на друга способствовало рождению культуры Нового времени, культуры модерна.

Первая составляющая. Не Бог, а природа – источник жизни и благ, и если человек овладеет ею, он станет могущественным (Бэкон). Для этого нужно создать новые науки («естественные») и новую практику – инженерию, использующую законы природы. Другое необходимое условие – новая социальная организация, материальная основа которой строится с опорой на естествознание, инженерию и производство, а также рациональную организацию жизни.

Вторая составляющая. В центре мира (во всяком случае, земного) теперь стоит не Бог, а человек, который всё больше осознает себя творческой личностью, мастером, способным создать из материала природы что он поже-

ляет, а из себя – даже херувима (Пико делла Мирандола). В рамках подобного мироощущения складывался человек, на знамени которого были начертаны два девиза: «Свобода» и «Расчет». На основе первого складывалось гражданское общество (уже в наше время Зигмунд Бауман писал, что целью социальных наук является расширение свободы), на основе второго – рыночные отношения.

Третья составляющая. Центр власти (и сакральной и светской) перемещается с Неба и от Бога на Землю к монархам (королям) и позднее – к государству и его правительству, обществу, парламенту и суду. Это процесс сопровождался религиозной реформацией и контрреформацией, а также образованием национальных государств. В результате удалось провести в жизнь принцип веротерпимости и связать его с территорией и проживающим на нем населением (Карл Пятый: «*Cujus regio, ejus religio*» – «Чья область, того и вера»). Как отмечает Вадим Беляев, указанный процесс представляет собой переход от религиозного (католического) универсума, нормирующего жизнь всех европейцев, к множеству жизненных миров, построенных на основе уникальных ценностных систем (сакральных и рациональных «миросистем», а не одной миросистемы, которую позднее описывает И. Валлерстайн) [2]. Если центр религиозной власти располагался на Небе, а ее представителями выступало духовенство, то центр земной власти расположился на земле, на конкретных территориях, власть над которыми и проживающим населением осуществляли короли.

Четвертая составляющая. Формирование государства и политико-правового пространства. Короли, нуждающиеся в деньгах для ведения войн и поддержания достойного их особ способа жизни, стали собирать налоги со своих подданных с помощью чиновников, которым они для этой цели передавали часть своих прав. В свою очередь чиновники, заинтересованные в увеличении количества денег, ставили под свой контроль население подвластной им территории и расширяли ее, стараясь выжать из населения всё, что возможно. Постепенно таким способом чиновникам были переданы все властные полномочия; в результате власть королей становится номинальной.

Но что значит передача власти от короля чиновнику? Король в классические Средние века обладал властью не потому, что такова была традиция, а потому, что он был сакральной фигурой. А что оправдывает власть чиновника? Ну да, он теперь реально управляет. Но для статуса власти этого недостаточно. Для обретения властных полномочий необходимо было принятое данным сообществом объяснение того, почему необходимо подчиняться именно такому-то субъекту.

Первые концепции государства (Гоббс, Локк, Монтескье) и предоставили такие объяснения: в них власть от короля передавалась государству

и обществу, его подданными становились не слуги короля, а свободные граждане, обязанные подчиняться закону и праву. Закон и право становились инструментами управления в руках государства. Другим условием реализации концепций государства выступало создание новых социальных практик. При этом многие государства из слуг общества быстро становились его хозяином.

«Превращение государства из инструмента в идеал, – пишет Мартин Ван Кревельд, – никогда не произошло бы, если бы оно не усилило контроль над обществом, намного превзойдя всё то, что только пытались сделать его предшественники в ранний период Нового времени. ...Каждое европейское, а впоследствии – и любое другое государство после 1789 г. хотело быть уверенным, что повседневная деятельность населения находится под его контролем и, насколько это возможно, служит целям этого самого государства. Важнейшим средством достижения этого стали полиция и тюремный аппарат, системы образования и социального обеспечения» [8, с. 165, 166].

Пятая составляющая. Развитие экономики, которая в антропологическом плане опиралась на новоевропейскую свободную, инициативную и расчетливую личность. Ф. Бродель указывает на роль в этом процессе формирующегося капитализма: «Для [выполнения] всех своих задач государство нуждалось в деньгах, и всё больше и больше по мере того, как оно распространяло и разнообразило свою власть. Оно более не могло жить как прежде, за счет домена государя. Оно должно было наложить руку на богатство, находившееся в обращении. И, значит, именно в рамках рыночной экономики образовывались в одно и то же время определенный капитализм и определенное современное государство» [4, с. 525]. «Это насилие, эта жестокая рука государства были гарантией внутреннего мира, безопасности дорог, надежного снабжения рынков и городов, защитой от внешних врагов; они означали эффективное ведение войн, непрерывно сменявших одна другую. Мир внутренний – то было благо, не имевшее [себе] равных!» [4, с. 524, 525].

Шестая составляющая. Чуть позднее в игру вступила борьба граждан за свои права, а также идеалы жизни, главным образом социалистические и капиталистические. Идеалы и этические идеи с самого начала входили в исходные концепции государства. Но если у Гоббса и Локка это были в основном гуманистические идеи, то позднее идеи национализма, взятые на вооружение европейскими государствами, фактически вели к такой трансформации общества, которая подчиняло его государству [8, с. 331]. Сюда же относятся идеи суверенитета государства, построения общества всеобщего благосостояния, построения коммунизма или завоевания для Германии жизненного пространства. Все эти и подобные им концепции вно-

силы в управление государством определенное направление и стратегию, превращая развитие государства в целенаправленный, понятный и осмысленный процесс. Одновременно они подчиняли жизнедеятельность граждан абстрактным идеям, заставляли их действовать согласованно, воодушевляли, давали энергию, смысл, каким бы странным он ни был и ни казался (например, требование уничтожения буржуазии).

Таким образом, можно говорить о нескольких относительно самостоятельных цивилизационных процессах: необходимость получить средства для ведения войны и одновременно установить порядок на подвластной территории, процессы церковной реформации, перемещение центра власти с неба на землю и, как следствие, формирование нового смыслового проекта, становление новоевропейской личности, развитие экономики и городов, становление государства, борьба граждан за свои права и идеалы.

Мы указали только главные процессы и основную тенденцию. Они, начиная с XV–XVI вв., определили формирование новоевропейской культуры (модерна), национальных государств, капитализма и борьбу с ним партий социалистической направленности, европейских империй и колоний, бурное развитие науки (сначала естественных и технических, затем в оппозиции к ним гуманитарных), расцвет производства, опирающегося на науку и инженерию, и потребления, основанного на продукции этого производства, две мировые войны, наконец, кризис европейской техногенной цивилизации в XX в. По сути, под ударом оказались все указанные выше процессы и предпосылки новоевропейской культуры. С одной стороны, потому, что усложнившаяся социальная жизнь перестала соответствовать исходным представлениям модерна, с другой – поскольку были созданы социальные технологии, позволившие использовать не по назначению, т. е. иначе, чем было задумано, и государство, и общество, и право.

Действительно, если ренессансный человек как личность решал для себя вопрос выбора между свободой и учитывающим обстоятельства расчетом, то человек конца XX – начала XXI в. выстроил защитные пояса поведения, позволяющие, реально действуя эгоистически, считать себя альтруистом и борцом за общее благо. Это я называю «новым эгоизмом». К нему, например, склонны многочисленные борцы за перераспределение национального продукта, правители и элиты авторитарных и тоталитарных государств, в широком смысле «левые». Новый эгоист – эгоист не потому, что не помогает другим, а потому, что не видит негативных последствий своей помощи, а также не осознает в должной мере, что стремится к власти и благосостоянию, используя помощь другим и новые социальные технологии.

Действительно, с точки зрения либерально-демократической доктрины каждый человек имеет право на достойное существование, включаю-

щее и многочисленные другие права: *на независимость от власти* («буржуазные свободы»); *на участие во власти* (избирательные права); *экономические, социальные и культурные права* (в том числе «права второго поколения») (подробнее см. [11, с. 50, 51]). Но в состоянии ли государство на деле обеспечить все эти права? Вряд ли. Однако почву для борьбы за эти права оно создает. Продумали ли сторонники перераспределения национального продукта или помощи миллионам беженцев, к каким последствиям это ведет? Вот, скажем, почти 2 млн палестинцев сектора Газа многие десятилетия живут в значительной мере на международную помощь ООН и государства Израиль. К чему это привело, мы знаем: жители почти не работают, зато ждут помощь, культивируют ненависть к гражданам Израиля. И так уже несколько поколений.

Не получается ли, что дискурс социальной справедливости – это инструмент для непродуманных социальных преобразований, или ловкое прикрытие нового эгоизма, или иллюзорная форма сознания? Но ведь борьба за социальную справедливость улучшила жизнь миллионов людей? Да, улучшила, но одновременно породила многочисленные проблемы и способствовала становлению социальной реальности, где не остается место социальной справедливости в ее исходном платоновском смысле – как царства идеального, света, разума и порядка.

Современный человек всё еще считает, что основная реальность – это природа. Он еще не осознает, что уже не ожидает от овладения силами природы могущества и счастья (еще в самом начале XX в. Ф. Бон писал: все цели технического развития сбегаются к счастью человека), что развитие естествознания и техники не является гарантией благополучия человечества. Напротив, человечество столкнулось с кризисами (экологическим, антропологическим), источником которых выступает именно культурный проект Ф. Бэкона и его реализация, приведшая к формированию техногенной цивилизации. Фактически нужно признать, что этот культурный проект доживает свои дни (правда, эти дни могут растянуться на пару столетий).

Не менее серьезные трансформации коснулись государства и права. «Государство, – пишет М. Кревельд, – бывшее с середины XVII в. самым значимым и характерным институтом в современном мире, переживает упадок. Повсеместно – от Западной Европы до Африки – многие существующие государства вольно или невольно либо объединяются в более крупные союзы, либо распадаются. Независимо от того, распадаются они или объединяются, уже сейчас многие их функции перехватываются различными организациями, которые, какой бы ни была их природа, определенно не являются государствами» [8, с. 3]. «Право, – вторит Кревельду Дж. Берман, – в XX в. как в теории, так и на практике всё меньше воспринимается как свя-

занное целое, свод, организм, *corpus juris*, и всё больше как мешанина, каша из синоминутных решений и противоречащих друг другу норм, соединенных только общими “приемами”, “техникой”. Старое метаправо разрушилось, его сменил своего рода цинизм <...> Мнение, что право переходит пределы политики, что в любой данный момент или, по крайней мере, в его историческом развитии право отлично от государства, видимо, всё больше уступает место представлению о праве как инструменте государства, то есть средстве исполнения воли тех, у кого в руках политическая власть (наша российская действительность полностью подтверждает эту тенденцию. – В. Р.). <...> Право становится более фрагментированным, субъективным, больше настроенным на удобство, чем мораль. Оно больше заботится о синоминутных последствиях, чем о последовательности и преемственности. Так в XX в. размывается историческая почва западной традиции права, а сама традиция грозит обрушиться» [3, с. 48–53].

Одна из причин трансформации государства и права – использование их не по назначению. Яркий пример – феномен рентостроительства. «Поступает ли чиновник несправедливо, когда он изобретает схемы и создает условия, позволяющие извлекать из своего места доход? Объективно он создал и реализует новую социальную технологию, позволяющую ему увеличить свою власть и благосостояние. С точки зрения абстрактных этических принципов и, заметим, отчасти, трудового соглашения он, конечно, поступает нехорошо. Но с точки зрения возникших возможностей и опять же отчасти существующих законов он остается в правовом поле.

Право чиновника как человека, не нарушая законов, расширять свои возможности и благосостояние (Как обычный человек я, конечно, на стороне Латыниной, и меня возмущает, если не больше, поведение нашей власти и бюрократов. Но как ученый и философ я должен следовать за дискурсом, спокойно анализируя его последствия. Однако, как человек действия и определенных идеалов я дальше, поняв реальность, могу обдумывать свои действия, направленные на изменения сложившейся ситуации. Но опять же, анализируя их последствия). Право граждан, поставивших чиновника на службу обществу (правда, поставивших опосредованно, через выборы и государство), требовать от него не рентостроительства, а добросовестного выполнения своих функций» [11, с. 60].

Другой пример – борьба за демократию. Да, левый американский реформатор Сол Алинский боролся за демократию, но с точки зрения объективных социальных процессов его дискурс прикрывал противоположные тенденции. «Если попытаться оценить эффективность экспериментов Алинского и его последователей в отношении заявленных ими вначале целей, – пишет И. Жежко-Браун, – т. е. посмотреть, в какой мере эксперименты и начатое им движение *social organizing* привело к ожидаемым им

результатам, то здесь, как я пыталась показать, Алинского бы ждало сильное разочарование. Он, как исследователь и экспериментатор, заметил это отчасти сам в последней главе “Правил” [речь идет о книге С. Алинского «Правила для радикалов». – В. Р.]. Эксперименты, начатые во имя развития местной демократии, подорвали самые основы демократии на местном уровне. Отстранение (выпадение) рядовых американцев от политической жизни в конце XX в. стало еще более массовым, чем в 1960-х. В заметной степени снизилась роль организаций, таких как профсоюзы, политические партии, добровольные организации в демократическом процессе, а именно в прямом представительстве интересов ее членов. Одновременно резко повысилась роль этих же организаций в манипулировании коллективными средствами и мнением своих членов. Руководство организаций типа ACORN с самого начала вело прямой диалог, поверх голов ее членов, с крупными политическими игроками – государством, партиями и большим бизнесом. Предложенная Алинским модель вовлечения граждан в решение своей судьбы через организации и формула демократии как “организации организаций” оказались не способными решить эту задачу. Одна из причин непригодности его модели, как показал опыт ACORN, состоит в том, что члены организаций быстро теряют контроль над собственной организацией и превращаются в пешки. Организации, созданные Алинским и его последователями, оказались захваченными и контролируемые той же самой “номенклатурой”, что и социальные институты» [6, с. 76].

«Захваченным», считает В. Иноземцев, является и наше государство. Вот как он его характеризует: «Некоторые аналогии могут привести нас не к бывшим империям, а скорее к торговым корпорациям Нового времени, многие из которых выполняли функции государств (как британская Ост-Индская компания). Отличие заключается лишь в том, что в роли униженных и эксплуатируемых оказываются не жители заморских территорий, а все подданные того или иного национального лидера. Коммерческое государство – это система, в которой формальные инструменты государственного управления полностью подчинены задачам умножения богатств его руководителя, приближенных к нему лиц, их друзей и родственников, а также и всех тех, чья политическая лояльность необходима «большому боссу» для поддержания своей власти и обеспечения собственной безопасности. Здесь бессмысленно говорить о коррупции в общепринятом смысле слова, ведь таковая представляет собой попытку заработать на своем положении в той политической системе, которая предполагает служение *public interests*, а в коммерческом государстве сама эта задача даже не ставится. Обогащение политической верхушки является высшей целью системы, а извлечение выгод из своего служебного положения – ее фундаменталь-

ным императивом. При этом такое государство отличается от монархического или сословного общества, в котором политическая верхушка по своему статусу владеет большей частью общественного богатства (примером тому может быть Саудовская Аравия или ОАЭ). В нашей ситуации власть де-факто контролирует общественное богатство (что знает и она сама, и общество), но де-юре лишь выполняет стандартные управленческие функции – и именно такая ситуация и определяет важнейшие особенности коммерческого государства» [7]. Понятно, что захватить и поставить на решение своих задач целое государство – дело непростое, требующее сложной социальной технологии. Ясно и то, что в результате этих процессов государство перерождается.

Теперь можно вернуться к вопросу, касающемуся осмысления сознания левых. Ю. Латынина уверена, что всё дело в недомыслии, корысти и жажде власти. Однако поставим себя в позицию левых. Для них (впрочем, как и для многих других современных людей) ситуация выглядит весьма драматичной и катастрофической. Ведь дело не в кризисе, а в том, что перестал ощущаться и действовать глубинный смысловой проект модерна, на котором всё держалось. Если не природа и ее познание, если не овладение природой, то что? Если не личность с ее предпринимательской и рыночной инициативой, то что? Если не государство и право, ограничивающие эту инициативу рамками общего блага, то что?

И вот здесь начиная с XIX в. социалисты и позднее левые начинают строить новую смысловую картину культуры. Центральные идеи ее такие. *Социальная справедливость для всех*: своих граждан и чужих, компетентных и некомпетентных, мужчин и женщин, меньшинств разного рода и т. д., вплоть до тех, кто вообще не желает работать. Способ реализации этого замысла – *социалистическая организация* (распределение, перераспределение, налогообложение, пособия, пенсии и др.). Эта организация, как показывает Й. Шумпетер, не отрицает капиталистического предпринимательства и рынка, иногда даже создает для них условия, хотя чаще наоборот. Но она принципиально настаивает на *общих для всех условиях, независимых от способностей и вклада отдельных индивидов, от особенностей их культуры*. Настаивают левые и на том, что богатые должны делиться с остальными. Основатель американской организации ACORN (*The Association of Community Organizations for Reform Now*) Вейд Ратке в разговоре с единомышленником ответил на вопрос о целях и идеологии ACORN так: «*Помогать людям с низким и скромным доходом получить то, что им по праву принадлежит*». На вопрос, что же им по праву принадлежит, он ответил с улыбкой: «*Всё!*». Взятые вместе, эти заявления наглядно отражают социальную базу и риторику движения, которое тридцать лет спустя, в 2008 г., приведет к присяге своего президента [Барака Обаму. – В. Р.] [6, с. 58].

Конечно, многие левые любят власть и в ходе социалистической организации не забывают себя, но более важно, что они чувствуют за своей спиной новую реальность культуры (которую сами же и создают). Их не могут поколебать рациональные аргументы и факты, так как они мыслят в рамках этой реальности. Так ранних христиан не могли отклонить от пути к Богу аргументы античных философов.

Будущую культуру (я ее называю «фьючекультура») левые мыслят и предопределяют основанной на двух принципах – социальной справедливости и социалистической организации. Мой друг Ирина Жежко-Браун скептически оценивает левых. «Между тем, – пищет она мне, – они все уже не могут служить основаниями futurкультуры или ее основами, они все внутри поражены “раком”, они все коррумпированы в первоначальном смысле этого слова. Нет ни одного из них, который бы не был в процессе поражения их трибализмом, разрушением социального порядка (любого вида) и распадом на временные “банды”. За фасадом конвергентного социализма-капитализма идет процесс социального распада, а с ним и распада культуры любого вида (нации, территории, цивилизации). Посткультура есть разложение и отрицание всех прошлых видов и вариантов культуры. Нет того общего социального проекта, в котором была бы нужда в futurкультуре».

Трудно сказать, является ли рассмотренная в статье тенденция одним из главных трендов постмодерна, и действительно ли будущее в ближайшей перспективе за левыми. Существует точка зрения, что победа за тем или иным трендом социальности зависит главным образом от антропологического фактора. Например, Т. Гоббс считал людей злыми и эгоистическими и поэтому «натравил» на них Левиафана, а Д. Локк – разумными и общественными существами, поэтому подчинил государство обществу. В настоящее время мы наблюдаем массовое одичание, падение нравов, предельные формы эгоизма и бесчувствия. Означает ли это порчу современного человека или постановку еще более тяжелого диагноза – человек по своей природе эгоистичен и любит зло? Например, Эмануил Свевенборг считал, что все люди от рождения делятся на два класса. Одни любят добро, являясь потенциальными ангелами, и поэтому после смерти они в качестве духов поднимаются прямо на небо к Господу. Другие же склонны к злу, а посему после смерти их духи опускаются в ад и присоединяются к демонам.

На мой взгляд, по природе человек не добр и не зол. Ему только предстоит стать тем или другим, в том числе под влиянием других людей и социализации. Наблюдаемый в настоящее время процесс «антропологической порчи» объясняется кризисом и трансформацией социальности. Но в социальность делает вклад сам человек, причем на разных стадиях процесса трансформации разный (а в точках бифуркации – очень суще-

ственный). Поэтому кое-что зависит и от нас. Не будем же этого забывать и, если хотим сдвинуть жизнь в лучшую сторону, будем думать и работать. Вода камень точит.

Литература

1. *Альбац Е.* Особое мнение на «Эхо Москвы» // Эхо Москвы. – 2017. – 17 января. – URL: <https://tvtalkshow.ru/echo-moskvy-osoboe-mnenie-evgeniya-albac-17-01-2017.html> (дата обращения: 18.11.2020).
2. *Беляев В.А.* Логика истории и самосознания модерна: Между «закрытым» и «открытым» универсумами: модерн как вторая редакция «мировой этической революции» христианства, полемика с контрмодерном. – М.: Ленанд, 2017. – 522 с.
3. *Берман Г.А.* Западная традиция права: эпоха формирования. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Инфра-М–Норма, 1998. – 624 с.
4. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Прогресс, 1986. – 624 с.
5. *Водолазов Г.Г.* Реальный гуманизм как идеология современности // Вестник РГГУ. – 2015. – № 13 (156). – С. 9–29.
6. *Жежко-Браун П.* Современная американская революция: социальные технологии и динамика. – М.: Новый хронограф, 2018. – 320 с.
7. *Иноземцев В.* Неэффективное. Безжалостное. Твое. Почему все мы живем в коммерческом государстве Путина // Сноб. – 2019. – 4 июля. – URL: <https://snob.ru/entry/179441/> (дата обращения: 18.11.2020).
8. *Кревельд М. ван.* Расцвет и упадок государства. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
9. *Латынина Ю.* Гуманизм как идеология бюрократии // Газета.Ru. – 2010. – 15 октября. – URL: <https://www.gazeta.ru/column/latynina/3428876.shtml> (дата обращения: 18.11.2020).
10. *Фанайлова Е.* Офигела ли Европа: Юлия Латынина против европейских ценностей, российские «левые» против Юлии Латыниной // Радио Свобода. – 2011. – 4 сентября. – URL: <https://www.svoboda.org/a/24318397.html> (дата обращения: 18.11.2020).
11. *Розин В.М.* Общественно-политический дискурс социальной справедливости // Идеи и идеалы. – 2013. – № 2, т. 1. – С. 49–32.
12. Социализм в Швеции: реферат // Allbest. – URL: https://otherreferats.allbest.ru/political/00156654_0.html (дата обращения: 18.11.2020).
13. *Шумпетер П.А.* Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.

Статья поступила в редакцию 03.01.2020.

Статья прошла рецензирование 14.02.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-145-161

SOCIALITY OF MODERNITY AND THE PHENOMENON OF THE “LEFT”

Rozin Vadim,

Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,

Chief Researcher, Institute of Philosophy RAS,

12, bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Abstract

The article analyzes the views of the “left” and criticism of these views by the famous journalist, writer and analyst Yulia Latynina. In addition, the author cites the objections by Latynina from other journalists and political scientists: Andrei Loshak and Evgenia Albats. The author does not consider the disputable arguments to be solid and undertakes his own analysis. It offers a concise outline of the genesis of the modernist culture, starting from the crisis of antiquity and the Middle Ages. Several prerequisites of this culture are highlighted: the need to obtain funds for warfare and at the same time establish order in the territory under control, the processes of reform and counter-reformation, the transfer of the center of power from heaven to earth and, as a result, the formation of a new semantic project, the formation of a new European personality, the development of the economy and cities, the invention and the formation of the state, the struggle of citizens for their rights and ideals. The causes of the crisis of modern culture itself are also discussed: social life has become much more complicated (as a result, it has diverged from the initial ideas of modernity) and technologies have been created that allow the state, society and law to be used differently than intended. As a result, a need arose to build a new semantic cultural project. Such a project was formed by the “left”. It contains two basic principles: the requirement of social justice for all and the socialist organization (distribution, redistribution, taxation, benefits, pensions, etc.) as a way to implement these requirements. In addition, the “left” insist that the rich should share with other citizens. The author shows that the “left” see and think in the framework of the new cultural project that they have created, and therefore do not accept criticism of them. In conclusion, he discusses the anthropological conditions of a possible future culture. On the one hand, it is culture and sociality that determine the value orientations of people, and on the other hand, since a person makes a contribution to sociality, partly depends on his activity whether good prevails over evil.

Keywords: sociality, state, personality, freedom, crisis, culture, project, implementation, power, society.

Bibliographic description for citation:

Rozin V. Sociality of Modernity and the Phenomenon of the “Left”. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 4, pt. 1, pp. 145–161. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-145-161.

References

1. Al' bats E. Osoboe mnenie na [Separate opinion]. *Ekho Moskvy* [Echo of Moscow], 2017, 17 January. Available at: <https://tvtalkshow.ru/exo-moskvy-osoboe-mnenie-evgeniya-albac-17-01-2017.html> (accessed 18.11.2020).
2. Belyaev V.A. *Logika istorii i samosoznaniya moderna: Mezhdru “zakrytym” i “otkrytym” universumami: modern kak vtoraya redaktsiya “mirovoi eticheskoi revolyutsii” khrisianstva, polemika s kontrmodernom* [The logic of history and modern self-consciousness: Between the “closed” and “open” universes. Modern as the second edition of the “world ethical revolution” of Christianity. Controversy with the counter-modern]. Moscow, Lenand Publ., 2017. 522 p.
3. Berman H.J. *Law and revolution: the formation of the Western legal tradition*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1983 (russ. ed.: Berman G.D. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya*. Moscow, MSU Publ., Infra-M–Norma Publ., 1998. 624 p.).
4. Braudel F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Material civilization, economics and capitalism, XV–XVIII centuries. Vol. 1. Structures of everyday life: Possible and impossible]. Moscow, Progress Publ., 1986. 624 p. (In Russian).
5. Vodolazov G.G. Real'nyi gumanizm kak ideologiya sovremennosti [The real humanism as an ideology of today]. *Vestnik RGGU = RSUH/RGGU Bulletin*, 2015, no. 13 (156), pp. 9–29.
6. Zhezhko-Braun I. *Sovremennaya amerikanskaya revolyutsiya: sotsial'nye tekhnologii i dinamika* [The Contemporary American Revolution: Social Technologies and Dynamics]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2018. 320 p.
7. Inozemtsev V. Neeffektivnoe. Bezzhalostnoe. Tvoe. Pochemu vse my zhivem v kommercheskom gosudarstve Putina [Ineffective. Ruthless. Your. Why do we all live in the commercial state of Putin]. *Snob*, 2019, July 4. (In Russian). Available at: <https://snob.ru/entry/179441/> (accessed 18.11.2020).
8. Creveld M. van. *The Rise and decline of the state*. Cambridge, 1999 (Russ. ed.: *Rastsvet i upadok gosudarstva*. Moscow, IRISEN Publ., 2006. 544 p.).
9. Latynina Yu. Gumanizm kak ideologiya byurokratii [Humanism as an ideology of bureaucracy]. *Gazeta.Ru*, 2010, October 15. (In Russian). Available at: <https://www.gazeta.ru/column/latynina/3428876.shtml> (accessed 18.11.2020).
10. Fanailova E. Ofigela li Evropa: Yuliya Latynina protiv evropeiskikh tsennostei, rossiiskie “levye” protiv Yulii Latyninnoi [Was Europe crazy: Yulia Latynina against European values, the Russian “left” against Yulia Latynina]. *Radio Svoboda*, 2011, September 4. (In Russian). Available at: <https://www.svoboda.org/a/24318397.html> (accessed 18.11.2020).

11. Rozin V.M. Obshchestvenno-politicheskii diskurs sotsial'noi spravedlivosti [Social and political discourse of Social Justice]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2013, no. 2, vol. 1, pp. 49–32.

12. *Sotsializm v Shvetsii* [Socialism in Sweden]: abstract. (In Russian). Available at: https://otherreferats.allbest.ru/political/00156654_0.html (accessed 18.11.2020).

13. Schumpeter J.A. *Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow, Ekonomika Publ., 1995. 540 p. (In Russian).

The article was received on 03.01.2020.

The article was reviewed on 14.02.2020.